

Быть бы мне поспокойней,
Не казаться, а быть.
Здесь мосты, словно кони,
По ночам на дыбы.

Chceš bych klid, ale právu,
ne ten můj strojený.
Na zadní most se slaví
jako kůň svěcený,

Здесь всегда по квадрату
На расвете полки,
От Синода к Сенату,
Как четыре строки.

s jítrem pluk nástup má tu,
do čtvrtců sevře šik
k Sinodu od Senátu,
revně jak čtyřverší.

Здесь над винною стойкой,
Над рассветом зари
Наколдовано столыко,
Набормотано столыко,
Наколдовано столыко,
Набормотано столыко,
Что пойдй, повтори.

Co se ti všechno stalo
nad ránem, nad výhem,
co se ti navzuvalo,
co se ti nazvalalo,
co se ti navzuvalo,
co se ti nazvalalo,
co se ti navzuvalo,
můžeš-li, vzromlínej.

Все земные печали
Были в этом краю.
Вот и платим молчаньем
За причастность свою.

Samé rány a ztráty
pod touhle oblohou.
Mlčením vždycky plačí
ten, kdo byl u toho.

Мальчишки, вы безусы,
Прапоры и корнеты.
Мальчишки, вы безусны,
К чему вам мои советы?

Kometi, praporečci,
neochmuřené mláďi,
blouzní ve světle svěcí,
matně by člověk radí.

Лечиться бы вам, лечиться,
На кислые ездить воды.
Они же по ночам: „Отчина!
Тираны! Заря свободы!“

Vu máte mít své lásky,
já se zas léčí v lázních.
„Tuhani! Vlaho vlasti!
Svoboda!“ ťvou ti blázní.

Полковник я, а не прапор,
Я в битвах сражался стойко,
И весь их ценячий табор
Мне мнился игрой, и только.

I já vyšel z praporečká
a zažil jsem tuhé boje
a v tom netozvážlém kříku
jsem slyšel i mládí svoje.

И я восклицал: „Тираны!“
И я прославлял свободу.
Под пламенные тирады
Мы пили вино, как воду.

I já sorčil na tyranu
a horechal pro svobodu
a šly mi ty řeči samy,
když víno jsem pil jak vodu.

И в то роковое утро,
Огньодь не угрозой чести -
Казалось куда как мудро
Себя объявить в отъезде.

Jak sluší se a patří,
v to ráno jsem nikam nešel,
já nechal se mouďce zapřít
a myslel, že čest to snese.

Зачем же потом случилось,
Что меркнет копейкой ржавой
Всей славы моей лучинность
Пред солнечной ихней славой?

A potom jsem musel zažít,
jak vadne a oradává
před sluneční jejíh září
má zvěstělá, zašlá sláva.

Болят к непогоде раны,
Уныло проходят годы...
Но я же кричал: „Тираны!“
И славил зарю свободы.

Bolest k nepočasí rány,
Unylo prochodit roky...
A já sorpil na tyranu
a horechal pro svobodu.

Повторяется шепот,
Повторяем следы.
Никого еще опыт
Не спасал от беды.

Navěky v duši zebou
ozvěny, ohlasy.
Zkušenost sama sebou
nikoho nesparí.

О, доколе, доколе,
И не здесь, а везде,
Будут Клодтовы кони
Подчиняться узде?

Přetřkej všechna slova
na všechnu zřůsodu,
Klodtovi koně znova
uzdě se podrobí.

И все так же, не проше,
Век наш пробует нас -
Можешь выйти на площадь,
Смешь выйти на площадь,
Можешь выйти на площадь,
Смешь выйти на площадь
В тот назначенный час?

Osud má stejné cesty,
zkouší nás vždycky zas:
Svedeš jít na náměstí,
troufneš si na náměstí,
svedeš jít na náměstí,
troufneš si na náměstí
v den, kdy nastane čas?

Где стоит по квадрату
В ожиданьи полки,
От Синода к Сенату,
Как четкие ступки

Nebotí pluk nástup má tu,
do čtvrtců sevře šik
k Sinodu od Senátu,
revně jak čtyřverší.

БАЛЛАДА О ЧИСТЫХ РУКАХ

Развели по ветру подможенный порох,
И мы привыкаем, как деды, точь-в-точь,
Гонять вечера в незатейливых спорах,
Побасенки слушать и воду толочь.
Когда-то шумели, теперь поутикли.
Под старость любезней - покой и почет.
А то, что опять Дрославна в Путивле
Горюет и плачет, так это не в счет.
Уж мы-то рукав не омочим в Каяле,
Не сунем в ладонь арестантскую хлеб,
Безрешный холуй, запасайся камнями,
Разучивай загоды праведный гнев.
Недаром из школьной науки
Всего нам милей слова -
Я умываю руки,
Ты умываешь руки,
Он умывает руки,
И хоть не расти трава!
Не выпшая математика, а просто, как дважды два!

Да здравствует вечно премудрость холопы,
Премудрость мычать, и жевать, и внимать,
И помнить о том, что народные конья
Народ никому не позволит ломать.
Над кругом гончарным поет о тачанке
Усердное время, бессмертный гончар,
А танки идут по вацлавской брусчатке
И наш бронепоезд стоит у Градчан.
А песня крепчает - взвевайтесь кострами,
И пепел с золою, куда ни ступи.
Взвеваются ночи кострами в Остраве,
В мордвинских лесах и в казахской степи.
На севере и на Юге -
Над ржавой землей дым,
А я умываю руки,
А ты умываешь руки,
А он умывает руки,
Спасая свой жалкий Рим!
И нечего притворяться - мы ведаем, что творим!

BALADA O ČISTÝCH RUKOU

Už zrnok střelný prach a vítr vzal touhu
a my si už zvukli jak otec i děd
se o ničem přit v zimních večerech dlouhých
a neškodné bajky si dát vurrávéť.
Jen úctu už chcem a užtoči slavni.
My bouřili dřív, ale teď spadla klec.
A jestli se zas v Putivlu Jaroslava
na parkáně souží, to je její věc.
My nebudem vězným spát skývu skrz mříže
a kajalskou vodou neomýjem z ran krev.
Jen hotlivý chám bude dál sloučka kříže
a dorědu cvičit ten svůj svatý hněv.
My nespali při výuce
a umíme správně říct:
Já umývám si ruce,
ty umýváš si ruce,
on umývá si ruce
a dál nechcem vědět nic.
Tak jednoduché počty, kdopak by chtěl víc.

Ai žije a vzkvétá duch, ve kterém volí
se učili bučet a čelístmi mlít
a říkat, že lid potrestá kokokoli,
kdo by jeho zájmu snad chtěl poškodit.
Čas je věčný hničiv, z kola od tačanky
si udělal křih, na něm otáčí svět.
A přes Učelavák zatím raschotí tanky,
naš vlak obpěný chce do Hradčan jet.
Ať modravé noci se plápolet žhaví,
ať vrší se popel, kde rodil se chleb,
a ten plábol ať nosí v Ostravě strávi,
i morďvinské lesy, i Kazашskou step.
Kamkoli v světě hnu se,
dým hranic mě nepřine.
A já umývám si ruce,
a ty umýváš si ruce,
a on umývá si ruce,
a on umývá si ruce,
a plázi se před Římem.
A dětváčka nemá sen, mý víme, co číme.